

Откуда Вы, любезнейший Колмак?

© А. Л. ШИЛОВ

В силу своих интересов автор немало времени и сил уделяет изучению топонимии Карелии. И вот, наконец, очередь дошла до названия бывшей деревни *Колмаки* на полуострове Заонежье. Ввиду нерусского, на первый взгляд, облика названия, “с налёту” сложилась версия его происхождения из карельского *Kolme-mäki* “три горы”. Для сравнения приведем московскую *Трёхгорку*, с одной стороны, и с усечениями *Койкары* из *Koivu-kari* “березовый перекал”, *Питкоски* из *Pitku-koski* “длинный порог” – с другой. Однако знакомство с историческими документами быстро заставило отказаться от этого поспешного решения. Оказалось, что деревня *Колмаки* в 1905 году называлась *Колмачева*; в 1720 – *Колмаковская*; в 1563 – “деревня на Толвуде на бору Сосновикова, во дворе Федко Колмаков” [1. С. 143]. Попутно выяснилось, что на севере Европейской России и в Сибири довольно много деревень имеют названия *Колмаки* или *Колмаково*. Форма этих названий говорит о том, что они происходят из личных именований. Действительно, о происхождении названия дер. *Колмаково* Красноуфимского р-на Свердловской обл. известный топонимист А.К. Матвеев пишет: “От фамилии *Колмаков* или прозвища *Колмак*, известных уже в XVI в. и образованных от *колмак*, одной из русских форм этнонима *калмык*” [2. С. 144].

Итак, вопрос, казалось бы, исчерпан, разве что было интересно, каким ветром занесло “друга степей” калмыка (отца или более далекого предка Федьки Колмакова) в первой половине XVI века на Русский Север. И вот этот интерес привел к достаточно неожиданным результатам. Изучение документов и соответствующей литературы [3; 4. С. 136–141; 5] показало, что известные нам теперь калмыки (потомки ойратов – западных монголов) пришли в низовья Волги с востока лишь в 1627–1628 годах. Кстати, только эта (волжская) группа ойратов приняла в качестве самоназвания имя *хальмг* (происхождение слова неясно; его выводят и из монгольского со значением “смешанный”, и из тюркского “остаток, оставшийся”), которое и преобразовалось в современное русское *калмык*. Первичной же для обозначения ойратов в русском языке именно была форма *колмаки* (наряду с которой в документах конца XVI–XVII вв. встречается также *колмыки*, *калмаки*), отражающая название, под которым издавна знали ойратов их тюркоязычные соседи.

В состав России *Колматцкая орда* вошла (согласно грамотам Василия Шуйского 1608 г. и Михаила Федоровича Романова 1618 г.), еще находясь в бассейнах Иртыша, Ишима и Тобола. Как отмечал автор “Си-

бирской летописи”, “...на этих реках живут татары, **колмаки**, мунгалы, другие народности. **Колмаки** неведомо какой закон держат или отцов своих преданье”.

Впервые же русские столкнулись с колмаками-ойратами еще восточнее – в предгорьях Алтая, в Джунгарии. Самая ранняя грамота, в которой упоминаются *колмаки* (причем не как местные жители, а как приходящие торговцы), датируется 1574 годом, а начало регулярных и активных контактов русских с ойратами, судя по документам, приходится на 1590-е годы [5–7].

Этнонимические прозвища издавна были широко распространены на Руси (для примера приведем несколько современных фамилий, восходящих к ним, – *Немцов*, *Чудинов*, *Казаринов*, *Татаринов*, *Евреинов*, *Шведов* и др.). Поэтому вполне естественно с *колмак* “калмык, ойрат” связывать такие личные именованья, как *Никита Колмаков* (Нижний Новгород, 1680 г.), *Иван Колмак* (послан на Двину с грамотой, 1673 г.), *Федотко Пантелеев Колмак* (сибирский казак, 1678 г.), *Семен Колмак* (Верхотурье, 1701 г.), *Михалко Колмак* (Кетский острог, 1629 г.), *Кокорев Колмак* сын Родионов (Курск, 1670 г.), *Енгилдейко Колмаков* (татарин Туринского острога, 1645 г.), *Васка Михайлов Калмак* (Ирбитская слобода, 1666 г.), *Андрюшка Калмак* (вкладчик Далматовского монастыря, 1691 г.), *Степан Федоров Калмак* (работник Невьянского завода, 1703 г.), *Худячко Андреев сын Колмаков* (дер. Остяцкая на Вишере, 1623 г.).

Но в силу сказанного (о хронологии контактов русских с колмаками-ойратами) трудно видеть тот же источник в именах: *Колмак* (рязанский казак, участник посольства в Турцию, 1570 г.), *Колмак* Самойлов сын Самотокин (Муром, 1566 г.), *Колмак* Борисович Обрютин, *Колмак* Михайлович Васьков (Ярославль, 1568 г.), *Федор Иванович Колмак* Овцын (потомок князей Муромских, начало XVI в.), *Колмак* Иванов сын Старков (Тверь, 1585 г.), *Иван Колмак* (опричник Ивана Грозного, 1573). Вряд ли сыном степей был и *Тренка Колмак*, “кормящийся огородом” в Великом Устюге в начале XVII века.

И уж совсем невозможно связывать с этнонимом *колмак* имена людей, живших на Русском Севере еще до сибирских походов Ермака, таких, как *Петр* и *Исаак Колмаковы* (Олонец, 1564 г.), *Иван Колмак* *Андреев* сын *Хорламова* (Черенчицкий погост на Ловати, 1539 г.), *Дьяков Андрей Михайлов сын Колмак* (Важинский погост на Свири, 1557 г.), *Колмак* Бульчев (Варзужская волость на Кольском п-ве, 1575 г.), *Федор Семенов сын Колмак* (Кольская волость, 1581 г.) [8–11].

Для происхождения этих имен явно следовало искать какое-то иное решение. Исходя из географических соображений, нетрудно было придти к следующему предположению. Именования *Колмак*, *Колмаков*, зафиксированные документами XVI века в центральной и северной России (равно как и какая-то часть тех, что фигурировали позднее

и на иных территориях), могли восходить к общефинскому *kolme* “три” (финск., карел. *kolme*, эст. *kolm*, саамск. *kolm*, морд. *kolmo*, *kolma*). На основе этого “чудского” слова, с использованием активного в русской антропонимической системе суффикса -ак- (ср. *Третьяк*, *Шестак*, *Семак*, *Вешняк*, *Мозгляк*, *Худяк* и т.п.), возникло прозвище *Колмак*, означавшее “третьяк, третий ребенок” (так что мы были не так уж и неправы, подозревая наличие элемента *kolme* в названии карельской деревни *Колмаки*, с которого началось наше расследование). Причины использования иноязычной основы для образования имени *Колмак* в древнерусском имятворчестве достаточно очевидны: как злые силы или злая судьба не должны были покуситься на ребенка с “профилактическим” пейоративным именем (*Некрас*, *Невзор*, *Нехорош*, *Плохой*), так они не должны были и “распознать” носителя имени с нерусской основой – откуда русским нечистым духам знать нерусскую лексику?

Жители севера России, активно контактировавшие с аборигенной чуждой, конечно, прекрасно знали значение “чудского” слова *kolme* “три”, например, название тверской деревни *Колмодворка*, т.е. деревня о трех дворах. Само это слово, как таковое, заимствовать им не было нужды, но можно было его использовать для создания секретного (для тех же злых духов) имени, совпадающего по смыслу с частотным русским *Третьяк*.

Таким образом, оказывается, что современная фамилия *Колмаков* может восходить к одному из двух омонимов: *колмак* “калмык, ойрат” или же *колмак* “третьяк, третий ребенок”. Следовательно, тем, кто всерьез интересуется происхождением своей фамилии, придется выяснять, тянутся ли их семейные корни в Нижнее Поволжье, Южное Зауралье или же, напротив, – на Русский Север.

И, напоследок, нельзя не задаться еще одним вопросом. Если оказалась реальной семантическая “русско-чудская” пара *Третьяков* – *Колмаков*, то почему бы не существовать и таким соответствиям, как *Одинцов* – *Ичкин* (мар. *ik* “один”), *Первов*, *Первушин* – *Енжин*, *Енишин*, *Еншаков* или *Ижигов* (кар. *enži*, *enš*, мар. *iže* “первый”), *Второв* – *Какишин* или *Кафтин* (кар. *kakši*, морд. *kafta* “два”), *Четвериков*, *Четвертков* – *Неляков*, *Нелякин*, *Нияляков* (кар. *nellä*, *nelli*, морд. *nile*, мар. *nil* “четыре”), *Пятаков*, *Пятков* – *Висяков*, *Висякин* (кар. *viisi* “пять”), *Шестаков* – *Кузяков*, *Кутяков* (кар. *kuizi*, *kuute*-, мар. *kui* “шесть”). Конечно, как и в случае фамилии *Колмаков*, здесь возможны различные решения (*Висяков* ср. с *висеть*, *Кузяков* с *Кузя* < *Кузьма* и т.д.). И все же носителям подобных фамилий можно задуматься над своей генеалогией.

Литература

1. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
2. Матвеев А.К. Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000.

3. *Авляев Г.О.* Происхождение калмыцкого народа (середина IX – 1-я четверть XVIII в.). Изд. 2-е. М., 1994.
4. *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000.
5. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. М., 1999. Т. 2.
6. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841.
7. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции / собрал и издал А.Н. Попов. М., 1969.
8. *Туников Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
9. *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974.
10. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
11. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.